

Academic journal:
LITERARY STUDIES:
contemporary paradigms", 2026, vol. 2
№ 1 (3) pp. 79-96
ISSN 3093-9003 (online)
<https://journals.nuu.uz/index.php/literarycriticism>

THE NATIONAL IDENTITY OF ANGLOPHONE POSTCOLONIAL LITERATURE OF CANADA

Munira N. Nizamova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Abstract. This article examines the characteristics of Anglo-Canadian postcolonial literature using the novels of M. Ondaatje and R. Mistry, written at the turn of the 20th and 21st centuries, as an example. The aim of the study is to identify the preconditions for the formation of postcolonial literature in Canada and to characterize its uniqueness in the works of these authors through the prism of structural-semantic and hermeneutic methods of analysis. The theoretical basis of the work is the research of leading Russian, British, and American literary scholars, including O.G. Sidorova, S.P. Tolkachev, B.M. Proskurnin, M.V. Tlostanova, E. Said, H. Bhaba, G.C. Spivak, S. Hall, P. Gilroy, R. Bromley, and I. Hagee. Research hypothesis: Postcolonial literature, by highlighting pressing issues of the globalization era—the relationship between people of different nationalities and mentalities, national identity, adaptation, and the role of language and literature in overcoming cultural and linguistic barriers—aims to understand the changed reality of the 21st century.

This paper provides an interpretation of the concept of postcolonial literature and examines the specific features of postcolonial Anglo-Canadian literature, shaped by the country's national history and development. A distinctive feature of Canadian literature is that the main focus of state national policy in multi-ethnic Canada has been multiculturalism within the framework of bilingualism and cultural pluralism. Thanks to this, Canada has never become a "melting pot" for immigrants, where they could lose their national individuality and identity.

A distinctive feature of Anglo-Canadian postcolonial literature is, on the one hand, the writers' embrace of postmodern poetics and artistic innovations, and, on the other, the development of traditional genres of the realistic novel. Thus, M. Ondaatje's novels "A Family Affair" and "The English Patient" combine features of different genres, employing documentary elements and intertextuality and parody. Features of the socio-political realist novel are evident in M. Ondaatje's novel "In the Lion's Skin." A dialogue with tradition is found in the novels of R. Mistry: the novel "A Delicate Balance" is close to the genre of the realistic social novel in its themes and subject matter; in the chronicle novel "A Family Affair," the connections between family history and the country's history, as well as the process of losing age-old traditions and moral values, are traced through the destinies of three generations of a family.

The study concludes that the distinctiveness of Anglo-Canadian postcolonial literature is determined by the country's historical, political, and cultural development. Multinational,

multiethnic Canada adheres to a policy of multiculturalism, according to which all ethnic groups have the right to use their native languages and to be taught in their native languages, which has enabled them to preserve their national culture and traditions. Anglo-Canadian postcolonial literature focuses on addressing key issues of human existence: the search for and attainment of national and personal identity, the preservation of one's own culture, and a tolerant attitude toward others. It is precisely in the context of the coexistence of different nations, ethnicities, and cultures that opportunities open up for establishing new connections and discovering new possibilities for individual existence in a changing multicultural world.

Keywords: postcolonial, metropolis, ethnic, culture, adaptation, migrant writer, national consciousness, identity, "one's own/other," cross-cultural.

For citation: Nizamova, M. N. National identity of English-language postcolonial literature of Canada / M. N. Nizamova. – Text: direct // Literary Criticism: a Modern Paradigm: scientific and theoretical journal. – 2026. – № 1 (3). – P. 79–96.

История литературы / Literary history

УДК 821.111(71).09

Низамова Мунира Низамовна

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
кандидат филологических наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности англо-канадской постколониальной литературы на примере романов М. Ондаатже и Р. Мистри, созданных на рубеже XX-XXI веков. Цель исследования – определение предпосылок формирования постколониальной литературы в Канаде, характеристика ее своеобразия в творчестве указанных авторов через призму структурно-семантического и герменевтического методов анализа. Теоретической основой работы стали исследования ведущих российских, английских и американских литературоведов, О.Г. Сидоровой, С.П. Толкачева, Б.М. Проскурнина, М.В. Тлостановой, Э. Саида, Х. Бхабы, Г.Ч. Спивак, С. Холла, П. Джилроя, Р. Бромли, И. Хаги.

Гипотеза исследования: постколониальная литература, выдвинув на первый план актуальные проблемы эпохи глобализации – проблему взаимоотношений людей разных национальностей и менталитетов, национального самосознания, адаптации, роли языка и литературы в преодолении культурных и языковых барьеров – ставит целью осмысление изменившейся реальности XXI века.

В работе дается интерпретация понятия постколониальной литературы, исследуются специфические черты постколониальной англо-канадской литературы, обусловленные национальной историей и особенностями развития страны. Отличие канадской литературы заключается в том, что главным ориентиром государственной национальной политики многоэтнической Канады стала политика мультикультурализма в рамках двуязычия и культурного плюрализма, благодаря чему она никогда не становилась для переселенцев «плавильным котлом», в котором они могли потерять свою национальную индивидуальность и самобытность.

Особенностью англо-канадской постколониальной литературы является, с одной стороны, обращение писателей к поэтике и художественным новациям постмодернизма, и с другой – развитие традиционных жанров реалистического романа. Так, в романах М. Ондаатже «Дело семейное» и «Английский пациент» соединяются черты разных жанров, документальное художественное начало, используется прием интертекстуальности и пародия. Черты социально-политического реалистического романа очевидны в романе М. Ондаатже «В львиной шкуре». Диалог с традиций обнаруживается в романах Р. Мистри: к жанру реалистического социального романа по поднятым в нем темам и по проблематике близок роман «Хрупкое равновесие»; в романе-хронике «Дела семейные» через судьбы трех поколений семьи прослеживаются связь истории семьи с историей страны, процесс утраты вековых традиций и нравственных ценностей.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод: своеобразие англо-канадской постколониальной литературы определяется особенностями исторического, политического и культурного развития страны. Многонациональная полиэтническая

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

Канада следует политике мультикультурализма, согласно которой все этнические группы имеют право пользоваться своими родными языками, преподавать на родных языках, что позволило им сохранить свою национальную культуру и традиции.

Основное внимание англо-канадской постколониальной литературы направлено на решение ключевых вопросов человеческого существования – поиск и обретение национальной и личной идентичности, сохранение собственной и толерантное отношение к иной культуре. Именно в условиях сосуществования разных наций, этносов, культур открываются перспективы для установления новых связей, раскрытия новых возможностей существования личности в меняющемся мультикультурном мире.

Ключевые слова: постколониальный, метрополия, этнический, культура, адаптация, писатель-мигрант, национальное сознание, идентичность, «свое/иное», кросскультурный.

Для цитирования: Низамова, М. Н. Национальное своеобразие англоязычной постколониальной литературы Канады / М. Н. Низамова. – Текст: непосредственный // Литературоведение: современная парадигма: научно-теоретический журнал. – 2026. – № 1 (3). – С. 79–96.

Предпосылкой формирования постколониальной литературы послужили исторические и геополитические процессы в странах Запада второй половины XX века – возникновение новых государств в результате крушения колониальной системы, глобализация Европы, массовая миграция населения бывших колоний в метрополию. В сфере литературы это время формирования и широкого распространения постколониальной литературы. Одно из наиболее емких толкований понятия «постколониальная литература» принадлежит английскому литературоведу М. Брэдбери: «Самая яркая черта культуры последнего десятилетия – ее интернациональность, она вбирает в себя традиции других культур, прежде всего в силу того, что на первый план сейчас выдвинулись писатели-эмигранты из бывших колоний нашей некогда могучей империи» [1]. Хотя М. Брэдбери говорит о постколониальной литературе Великобритании (так, заметным ее "фактом" он считает творчество индийца С. Рушди, японца К. Исигуро, китайца Т. Мо), эта характеристика актуальна для всей современной англоязычной словесности.

Постколониальная литература англоязычных стран в большей части представлена творчеством писателей-мигрантов из бывших колоний в Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки. По языку и проблематике творчество этих писателей принадлежит культуре той страны, где они в настоящее время живут и творят, в то же время сохраняя исконные национальные черты. В их произведениях показано существование на одной территории представителей различных наций, вероисповеданий,

менталитетов, пытающихся осмыслить свою культуру и культуру своей «новой» родины, современный мир и свое место в этом мире, свою национальную и личную идентичность. Исследуя особенности постколониальной литературы, американский литературовед Э. Саид выдвинул концепцию «путешествия в иное пространство» («the voyage-in»), которая объясняет, как писатели-мигранты создают «новую, альтернативную существующей вервию действительности» [17, р. 230-241]. Представленный в их произведениях постколониальный мир выдвинул на первый план целый ряд требующих решения проблем. Главной политической повесткой сегодняшнего дня назвал «вопросы культуры и идентичности» известный западный теоретик литературы С. Холл. [15, р. 230]. Проблема культурной идентичности мигранта в свете глобальных миграционных процессов представляет, по мысли Холла, большой интерес, отражая философскую тенденцию постколониальных произведений: литература «... словно пытается переписать действительность и историю, пересмотреть и “гибридизировать” устоявшиеся дискурсивные иерархии посредством построения “третьего пространства” за пределами уже существующих политических, социальных и культурных оппозиций» [15, р. 230].

В ряду важнейших проблем, поднятых постколониальными писателями, проблема взаимоотношений родной и «чужой» культуры. Создавая произведение, писатель-мигрант сталкивается с проблемой адекватного выражения собственной национальной и культурной идентичности, с необходимостью сочетать «свое» и «иное». Отсюда и явно ощутимое отличие произведений постколониальной литературы от исконно английской, французской, ирландской..., о котором пишет российская исследовательница О.В. Павлова: «Тематика, которой посвящены произведения таких авторов, их стиль, сюжет, многие элементы поэтики характеризуются «странностью», чуждостью для европейского читателя, поскольку ему приходится сталкиваться с традициями жителей бывших колоний, с особенностями их жизни и мировоззрения, а порой и решать проблемы межкультурной коммуникации, вступая в общение с носителями неевропейских культурных стереотипов» [8, с.20]. Сформированные особой – мультикультурной – средой, где сосуществуют и взаимодействуют разные культуры, произведения постколониальной литературы отражают состояние и опыт автора, находящегося на пересечении культур. Как замечает С.П. Толкачев: «В подтексте постколониальных произведений звучит «расколотый» голос повествователя, который становится отзвуком множественных личностей,

живущих в сознании мигранта. При этом перемещенное лицо постоянно ведет борьбу за утраченные корни и ценности, оставленные в прошлом, в покинутой по тем или иным, чаще всего неблагоприятным обстоятельствам, стране детства или юности» [11]. Для произведений характерно изображение кризиса мировоззрения героев, поиск идентичности в общечеловеческом и в общекультурном смыслах. Кризис может быть вызван различными причинами, носить различный характер – от сложностей восприятия чужой культуры и традиций, до неустроенности в чужой стране, сомнений в собственной идентичности. Чаще всего результатом такого поиска становится приятие героем себя как выразителя двух мироощущений, разных культур, что позволяет ему приемлемое, без утраты собственного «я», существование в обществе, в котором он оказался волей судьбы.

Проблема национальной идентичности особенно остро возникает в многонациональных государствах. Ярким примером является Канада: бывший британский доминион, она с 1931 года согласно условиям Вестминстерского статута в числе других доминионов Великобритании стала полностью независимой. Ныне это многонациональное полиэтническое федеративное государство франко-канадцев и англо-канадцев. Однако национальная специфика страны определяется также существованием «третьей Канады» – ее коренными жителями, индейцами и эскимосами. Начало XX века ознаменовалось массовой миграцией в Канаду, беднейшего населения других стран в поисках работы и возможности выжить. Во второй половине XX века страна, как и США, приняла беженцев из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки, Восточной Европы, Центральной и Южной Америки, в результате в стране увеличилось число этнических групп с собственной культурой. В отличие от других многонациональных государств, прежде всего, США и Австралии, в Канаде члены этнических групп имеют право пользоваться своими родными языками, включая и право преподавания на родном языке, что позволило им сохранить свою культуру, традиции и национальную идентичность. А в 1971 году правительство Канады объявило о переходе к политике «мультикультурализма в рамках двуязычия, что означало объявление культурного плюрализма главным ориентиром государственной национальной политики» [14, р. 223-224].

Таким образом важнейшей чертой образа канадской нации, проистекающей из особенностей исторического развития канадского общества, является ее этническая гетерогенность: «Канада - это страна меньшинств, связанных общенациональной идеей, этнокультурных групп,

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

большинство членов каждой из которых считает себя канадцами и одновременно с гордостью подчеркивает свою принадлежность к данной этнической группе, не выказывая сознательного стремления к ассимиляции с какой-либо другой группой» [4]. Эту особенность, определившую и специфику канадской литературы, отмечает историк Дж. Айзенштат: «Писатели и публицисты отмечали, что, хотя Канада и была основана и заселена мигрантами, в отличие от США она никогда не становилась для них «плавильным котлом», в котором переселенцы теряли бы свою индивидуальность и смешивались в некую гомогенную общность с остальным населением» [12, р. 113-114]

1960-е годы – время подъема канадской литературы, названные критиками «канадским Возрождением», – определили литературный облик современной Канады. По замечанию культуролога и литературоведа Н.К. Беснера, расцвет англо-канадской литературы в это десятилетие совпал с ростом национального самосознания и становлением постколониальной культурной парадигмы, завершающей распад британской империи. Беснер связывает увеличение числа канадских писателей, принадлежащих к различным этническим и национальным меньшинствам, с интересами становящейся все более многонациональной читательской аудитории: «Художественная литература 1960-х годов отличалась... отражением более этнически разнообразной читательской аудитории и гораздо большего числа писателей – итальянского, восточно-индийского, украинского, японского и карибского происхождения, среди прочих, – которые не были просто «англичанами». В более широком культурном плане 1960-е годы, с точки зрения 1990-х, можно также рассматривать как период, одновременно отражающий последнюю волну повторяющихся в Канаде волн национального самосознания и как период подъема, сопровождавшего продолжающийся упадок Империи, постколониальной позиции – культурной, политической, идеологической – отраженной и созданной во всех видах искусства». [13].

Постколониальная канадская литература представлена творчеством целого ряда авторов, выходцев из бывших британских колоний, пишущих на английском языке: Д. Марлатт (Малайзия), О. Кларк (Барбадос), Н. Биссундат, Х. Ладу (Тринидад и Тобаго), Дж. Когава, Х. Гото (Япония), Р. Мистри (Индия) и др.

Филип Майкл Ондаатже (Philip Michael Ondaatje, род. 1943г.) – поэт, прозаик, критик, сценарист, режиссер, первый канадский писатель, удостоенный Букеровской премии. Выходец из семьи, занимавшей высокое положение в колониальной администрации в Цейлоне (ныне Шри-Ланка),

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

получил образование в Англии, а с 1962 года стал жить в Канаде. Начало творчества Ондаатже совпадает с периодом подъема англо-канадской литературы. Как и писатели, начавшие писать в 1960-е годы, он прошел путь от поэзии к прозе, пробовал себя в различных жанрах. Определяя место Ондаатже в современном литературном процессе страны, П.С. Ежов относит его к «этническим» писателям: «Кросскультурный опыт М. Ондаатже, включающий шриланкийскую, британскую и канадскую составляющие, а также художественные особенности его романов позволяют говорить о сближении его творчества с теорией и художественной практикой постколониализма» [3]. В романе «В львиной шкуре» это жизнь иммигрантов, в поисках работы приехавших в Канаду; героями романа «Английский пациент» являются люди разных национальностей; действие романа «Призрак Анил» происходит в охваченной гражданской войной Шри-Ланке. В то же время содержание этих романов несомненно шире и не укладывается в рамки только лишь постколониальной литературы. В равной степени они могут быть интерпретированы как постмодернистские, в силу того что и постмодернизм, и постколониальная литература отражают состояние современного мира, обращаясь в художественной практике к схожим художественным приемам для решения различных задач. Сходство книг Ондаатже с постмодернистской литературой определяются не только использованием художественных приемов, но и общностью тематики. Различие же состоит в том, что постмодернизму присущ преимущественный интерес к тексту, поэтике, вопросам искусства и культуры. В фокусе внимания постколониальной литературы прежде всего проблемы последствий колонизации для современного мира.

В ранних романах Ондаатже «Собрание сочинений малыша Билли» ("The Collected Works of Billy the Kid", 1970), «Сквозь безумие» ("Coming Through Slaughter", 1976), «Дело семейное» ("Running in the Family", 1982) преобладал интерес к постмодернистскому эксперименту, что вызвало упреки критиков в недостаточном внимании автора к национальной тематике, к социально-политическим проблемам. Эти произведения соединяют в себе черты разных жанров и родов, демонстрируют разные типы письма. Примером индивидуальной манеры писателя является роман «Дело семейное» – об истории его шриланкийской семьи. Здесь и автобиографизм, и соединение документального и художественного начал, и неомифология устного повествования, и сочетание черт различных жанров. Образ Шри-Ланки противоречив, соединяя в себе исторические и политические реалии и черты экзотически-загадочной восточной страны.

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

Роман «Дело семейное» стал переломным, демонстрируя преимущественное внимание к проблематике постколониальной литературы, сохраняя в форме характерные черты постмодернистского письма.

Новый этап в творчестве Ондаатже начинается роман «В львиной шкуре» («In the Skin of a Lion», 1987) в котором представлена альтернативная версия истории города Торонто, дополняющая официальную историографию. Обращение к документальному материалу выполняет функцию репрезентации системы социальных отношений в канадском обществе. Писатель изображает реальное положение рабочих-иммигрантов из восточноевропейских стран, оказавшихся в Канаде в поисках средств к существованию, но столкнувшихся с безразличием официальных органов, с социальным отчуждением и забвением. Особое внимание автор уделяет проблемам адаптации иммигрантов и в первую очередь – вопросам языка в преодолении культурных, национальных и социальных барьеров. Жизнь иммигрантов показана изнутри, через восприятие коренного канадца Патрика Льюиса. Простой рабочий, он испытывает такие же трудности, и его социальное положение маргинала не лучше положения «чужаков». Образ Льюиса обеспечивает единство фрагментарной композиции романа и позволяет показать процесс самоопределения героя. В начале романа Льюис безразличен к социальным вопросам в силу недостатка политических знаний; постепенно он начинает понимать истинные причины угнетенного положения рабочих, в нем рождается чувство классовой солидарности, открытие своего места в обществе.

В образе Льюиса Ондаатже показал процесс развития канадского национального сознания. И в этом смысле важное значение приобретает название романа: метафора «львиная шкура» подразумевает утрату идентичности теми, кто так и не стал полноправным членом общества, кто по не зависящим от них самим причинам не обладает собственным голосом, кто так и остался «чужаком». Эстетика постмодернизма в этом романе получила выражение в обращении к общественной теме через призму восприятия частного человека: с помощью этого образа автор вскрывает общественные проблемы, анализ которых придает повествованию постколониальное звучание.

Соединение постмодернистской и постколониальной составляющих характерно для романа «Английский пациент» («The English Patient», 1992), отмеченном премией Букера (2018, «золотой Букер» за лучший роман последних 50 лет) и принесшем автору мировую известность. Персонажи

романа, представители разных национальностей и менталитетов – канадцы Ханна Льюис и Дэвид Караваджо, венгр Ладислос де Алмаши, индиец Кирпал Сингх – иллюстрируют идею противостояния Востока и Запада. Этой же цели служит «география» романа: действие происходит на заброшенной итальянской вилле Сан-Джироламо вблизи Флоренции, но в воспоминаниях и рассказах персонажей переносится из Италии в Ливийскую пустыню, в Северную Америку, в Индию, в Западную Европу. Важно и время действия, конец Второй мировой войны, одним из последствий которой было крушение мировой колониальной системы.

Важную роль в судьбах персонажей играют горячо обсуждаемые ими вопросы идентичности, принадлежности к тем или иным коллективам – нации, профессиональному сообществу, семье. Проблема национальной идентичности связана прежде всего с контрастными образами Ладислоса де Алмаши и Кирпала Сингха. История ученого-картографа, космополита Алмаши, давшая название роману, составляет центр сюжета. Пытаясь выполнить последнюю волю умирающей возлюбленной Кэтрин – быть похороненной в родной Англии – Алмаши попадает в плен к англичанам, принявшим его за шпиона и жестоко истязавшим его. Ему удается спастись из плена, но самолет терпит крушение и его, обгоревшего и полуживого, кочевники доставляют в английский госпиталь, где за ним ухаживает медсестра Ханна. Поскольку личность его установить невозможно, а изъясняется он на английском, окружающие называют его «английским пациентом». Считая, что в смерти его любимой виновны англичане, и желая хотя бы таким способом отомстить им, он переходит на сторону фашистов.

Алмаши отрицает само понятие нации. К этому приводит его опыт ученого-исследователя пустыни и наблюдения за событиями в мире: пустыня, сохраняющая приметы прошлых эпох, не знающая границ и не являющаяся предметом раздоров, в его сознании противоположна раздираемому войнами цивилизованному западному миру. Отказ от национальной укорененности приводит Алмаши к отказу от национальных интересов и в итоге – к предательству. Понимание преступности своего предательства приходит к нему только перед смертью.

Сапер-индиец Кирпал Сингх прибыл в Англию в составе колониальных войск. Он преклоняется перед всем английским, его мечта – приобщиться к богатой английской культуре, к «западной мудрости» (Western wisdom), даже ценой социальной изоляции в чужой стране. И только узнав об атомных бомбардировках в Японии, он по-новому осмысливает сущность западной цивилизации.

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

Приобретенный опыт по-разному действует на дальнейшие поступки героев: И Алмаши, и Кирпал добровольно отказываются от своей национальной принадлежности, но Алмаши идет дальше, отказываясь не только от своей принадлежности нации, но и от своей личной идентичности. Об этом свидетельствует его упорное нежелание возвращаться к собственному имени и яростный выкрик: «Стереть фамилию! Стереть национальность! Этому меня научила пустыня» [7, с.171]. Кирпал возвращается на родину, чтобы участвовать в национально-освободительной борьбе против колонизаторов, в этическом плане – чтобы вернуться к своим национальным корням, своей культуре.

Ситуации, в которых оказываются герои, указывают на противоречивость и сложность феномена национальной идентичности. Кирпала и Алмаши Ондаатже называет «незаконными детьми наций» (*international bastards*). Это определение применимо и к канадцам Ханне Льюис и Дэвиду Караваджо, образы которых представляют еще одну оппозицию. Ханна берет на себя заботу об «английском пациенте», чтобы искупить вину перед отцом, которого оставила умирать в одиночестве, и перед собственным ребенком, от которого была вынуждена избавиться. Ханна возвращается на родину, выбрав национальную и личную идентичность. Караваджо – вор по профессии, ставший во время войны английским шпионом. Попытки, перенесенные в плену, сломали его, он не только стал предателем, но и навсегда утратил себя как личность.

П.С. Ежов интерпретирует образы героев как символы «восточной и западной цивилизации во всей сложности их взаимоотношений» и приходит к выводу: «По замыслу автора, подобное сопоставление призвано показать, что Запад переживает кризис, состарившись за несколько веков истории, в течение которых он занимал ведущее положение на мировой политической арене, и теперь вынужден пассивно наблюдать, как на его место приходит набирающий силу Восток» [3]. Заметим, что подобная мысль звучит в произведениях многих современных западноевропейских авторов, в частности, в публицистических выступлениях и романе «Покорность» М. Уэльбека. С нашей точки зрения, Ондаатже акцентирует внимание не столько на «закате» Запада, сколько на необходимости для современного мира диалога между Востоком и Западом. Это подтверждают интертекстуальные включения в «Английском пациенте», утверждающие непреходящее значение бессмертных образцов западной культуры («Мне пришло в голову, – сказал английский пациент, – что в этой комнате, наверное, жил Полициано. Мы, вероятно, находимся на его вилле. На той стене старинный фонтан. Из него струится вода. Это знаменитая комната.

Они все собирались здесь» [7, с.61]. Кроме того, многочисленные аллюзии и цитаты в тексте романа указывают на скрытую полемику с английскими писателями колониального периода, в частности, с Р. Киплингом (прозвище Кирпала «Кип» как аллюзия на имя главного героя романа Киплинга «Ким»; противопоставление Запада и Востока в кипплинговской балладе). Постмодернистский контекст «Английского пациента» обнаруживается в пародийном использовании черт жанров массовой литературы – приключенческого, любовного романов, детектива, мелодрамы.

Эксперимент с жанровыми границами характерен для художественной манеры поздних романов Ондаатже. Созданные в этот период романы («Призрак Анил», 2000; «Дивисадеро», 2007; «Кошкин стол», 2011) служат иллюстрацией теории канадской исследовательницы Л. Хатчеон о путях развития в национальной литературе жанра «историографического метаромана» [16]. В большей степени этому определению соответствует роман «Военный свет» («Warlight», 2018), органично соединивший черты постколониальной и постмодернистской парадигмы. Созвучен высказываниям Л. Хатчеон вывод в диссертации П.С. Ежова: «Выявление соотношения между постмодернистским и постколониальным дискурсами в их специфически канадском варианте представляется продуктивным для последующего практического исследования текстов М. Ондаатже» [3].

Иную разновидность постколониальной литературы представляют романы канадского писателя индийского происхождения Рохинтона Мистри (Rohinton Mistry, род. 1952). В центре внимания писателя Индия, ее прошлое и настоящее, актуальные социальные, религиозные и этнические вопросы. По происхождению Мистри принадлежит общине парсов, утратившей ведущие позиции в индийской политике и экономике в результате этнического конфликта, приведшего к введению в стране в 1975 году чрезвычайного положения. И.Ю. Котин так характеризует положение и судьбу общины парсов-зороастрийцев: «Парсы Бомбея, долгое время бывшие представителями самой богатой, успешной и влиятельной общины города, оказались жертвами лингвистической дискриминации, ибо партия Бала Тхакре... проводила кампанию по внедрению в качестве основного и единственного языка общения маратхи, вытесняя язык гуджарати, на котором говорят парсы и джайны, представители крупнейших бизнес-элит города» [5]. Судьба парсов, их положение в охваченной этническими конфликтами стране всегда в центре внимания Мистри, хотя пишет он и об индусах, мусульманах, христианах. Как парс по происхождению, он часто делает главными героями членов парсийской общины, показывая их

попытки сохранить идентичность в меняющемся мире. По свидетельству канадской исследовательницы Д. Такхар, уже в первом сборнике рассказов «Истории из Фирозшах Баг» («Tales from Firozsha Baag», 1987) писатель поднимал такие темы, как «зороастрийская религия, общая история миграции парсов из Ирана, поиск убежища в Индии, вхождение в колониальную элиту (в Британской Индии) и мучительная потеря ими привилегированного статуса в постколониальной Индии» [18].

Проблема судьбы и выживания общины парсов в Индии в период чрезвычайного положения, в центре внимания в первом романе Мистри «Столь долгое путешествие» («Such a Long Journey», 1991), отмеченном главной литературной премией Канады, премией генерал-губернатора. С образом простого клерка Густада Нобле связана в романе скандальная история об отмывании крупных сумм денег якобы по поручению премьер-министра Индиры Ганди. По просьбе друга Густад отправляется в поездку по стране, что позволяет автору показать реальное положение масс населения, бедность, несправедливость чиновников, коррупцию. Но основное действие в романе происходит в родном городе Мистри, Бомбее, где в положении изгоев находятся не только парсы, но и мусульмане, и христиане. В Индии роман вызвал неоднозначную реакцию, автор был обвинен в очернении власти, оскорблении чувств верующих индусов, нелестных высказываниях персонажей о древних индуистских традициях. В Индии роман был запрещен и изъят из продаж, а автор был вынужден покинуть родину.

Второй роман Мистри «Хрупкое равновесие» («A Fine Balance», 1995) по результатам опросов читателей вошел в сотню лучших книг мира. Социально-политический по жанру роман поднимает тему злоупотребления властью, критикует политику правительства Индиры Ганди в кризисный период чрезвычайного положения. Индия 1975 года в изображении писателя – раздираемая кастовыми, национальными и религиозными распрями многоязычная, пестрая страна, как лоскутное одеяло, которое мастерит героиня романа индианка Дина: «Думаю, что Бог – творец гигантского лоскутного одеяла. С бесконечным разнообразием узоров. Но одеяло становилось все больше и запутанней, с трудно различимыми узорами, не сочетавшимися друг с другом квадратами, ромбами и треугольниками, и в конце концов все утратило смысл. И Он потерял к нему интерес» [6].

Главными героями романа Мистри сделал неприкасаемых, Ишвара и его племянника Омпракаша, портных, доля которых, помимо тяжелых условий жизни и беспросветной нищеты, унижение человеческого

достоинства. В поисках работы они едут в Дели, и после многократных неудачных попыток им удается найти работу и крышу над головой. Помогает им бедная вдова Дина Далал, приютившая в своей крохотной квартире студента Манек и неприкасаемых. Все они бедны, но щедры на заботу и взаимную поддержку. Однако счастье их было недолгим, хрупким. Ишвару и Омпракашу, искалеченным физически и духовно (в результате неудачно проведенной операции по стерилизации дяде ампутируют ноги, племянник становится кастратом), остается только одно: попрошайничать, кончает жизнь самоубийством бывший студент, одинокая старость – удел вдовы. Несмотря на то что автор рассказывает историю конкретных людей, персонажи романа прежде всего выполняют служебную функцию, представляя определенную социальную, этническую, религиозную прослойку индийского общества: Дина и Манек вводят в жизнь и нравы среднего класса, дядя и племянник – беднейшего, отверженного класса неприкасаемых. Кроме того, юные герои, Манек и Омпракаш составляют обобщенный портрет молодого человека 1970-х годов, стоящего на пороге долгой жизни

Можно упрекнуть автора романа в субъективном освещении событий индийской истории. Мистри и в 1990-е годы пишет о том, что произошло в Индии два десятилетия назад: так сильно было воздействие событий, вынудивших его покинуть страну. Меры, предпринятые правительством в период чрезвычайного положения, были действительно суровыми, а простые люди привыкли жить, руководствуясь вековыми традициями, и с трудом принимали новое. Однако, при всей субъективности позиции писателя, роман его подкупает искренней болью за судьбы индийцев. Даже находясь в благополучной Канаде, писатель продолжает думать о далекой, но по-прежнему родной Индии. Примечательно, что Мистри, как и многие постколониальные авторы (в частности, С. Рушди, Дж.М. Кутзее, Т. Моррисон) не выдвигает на первый план описание исторических событий, читатель воспринимает происходившие события через рассказ о частных судьбах. Крайне редко в повествовании встречаются скупые, но емкие исторические отступления.

В романе «Дела семейные» («Family Matters», 2001) рассказ об обычаях и традициях своих единоверцев Мистри разворачивает на широком фоне жизни родного Бомбея-Мумбаи, густонаселенного, многоголосого современного мегаполиса. О.Ю. Панова называет «Дела семейные» ярким примером костюмбризма в постколониальной литературе [9]. По жанру роман вписывается в традиции семейной саги, показывая на примере трех поколений одной семьи уклад жизни и ценности общины парсов. В текст

включена история зороастрийской общины парсов – в форме выдержек из публикаций периодической печати, размышлений, диалогов, воспоминаний персонажей. Не случайно, русское издание романа содержит послесловие переводчика М. Салганик «О чем говорил Заратуштра», в котором представлен краткий очерк религии парсов-зороастрийцев. Действие романа происходит в 1990-е годы, сюжет связан с одним из самых строгих запретов в общине парсов, неукоснительно соблюдающих древние традиции, запретом на браки с иноверцами. Герой романа Нариман Вакиль, влюбленный в католичку Люси, попытался преступить этот запрет, но не посмел послушаться родителей и женился на нелюбимой. Жизнь сурово отомстила ему: Люси сошла с ума, трагически погибла жена, его самого в старости настигла болезнь, приковавшая к постели. Идея автора проста: каждому воздается по делам его, каждый получает, что заслужил. Но финал романа остается открытым: внук Наримана, как некогда он сам, полюбил девушку не из парсов, и от него самого зависит, какой путь он выберет. Завершая познавательную и на сегодняшний день единственную в российской и зарубежной критике статью о творчестве Мистри, И.Ю. Котин пишет: «Рохинтон Мистри признан в настоящее время одним из самых талантливых индо-английских писателей, но уже несколько лет он не публикует новых романов. Возможно, у автора творческий кризис. Тема парсов в Бомбее разработана подробно, но, возможно, и исчерпана. То же можно сказать о теме Индии времен чрезвычайного положения. Смею надеяться, что новый роман Мистри будет посвящен парсам или, шире, выходцам из Южной Азии в Канаде» [5].

Современная англо-канадская литература, неотъемлемой частью которой является ее постколониальная составляющая, воплощает особую культурную самобытность, отражающую, по словам исследовательницы А.И. Голышевой, «непрекращающийся поединок старого с новым, продолжение традиции и ее отрицание, постоянство и изменчивость, восприимчивость к другим культурам и сознательный изоляционизм» [2, с. 126]. И это закономерно для литературы, которая является не простым сложением разных национальных культур, а их своеобразным сосуществованием и взаимопроникновением. Именно на пересечении наций, культур, этносов, классов ярче всего проявляются главные вопросы человеческого существования, вопросы, которые решает в том числе и постколониальная литература.

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

Литература

1. Брэдбери М. "И заканчивать – значит начинать". "Круглый стол" "ЛГ" – о проблемах современной английской литературы // Литературная газета, – № 5, 31 янв. 1996 г.
2. Голышева А. И. У истоков канадской словесности // Забытые и второстепенные писатели ХУШ-Х1Х вв. как явление европейской культурной жизни. Псков, 2002. Т 1. С. 125-133.
3. Ежов П.С. Художественное своеобразие прозы М. Ондаатже: эволюция творчества. Дисс... канд. филол. наук. – Н. Новгород: 2003. 208 с. [Электронный ресурс]: – URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-svoeobrazie-prozy-m-ondaatzhe-evolyutsiya-tvorchestva> (Дата обращения: 14.01 2024).
4. Коробова С.Н. Выражение национальной канадской идентичности в художественной культуре. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. – № 2. [Электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-natsionalnoy-kanadskoy-identichnosti-v-hudozhestvennoy-kulture> (Дата обращения: 5.04.2026)
5. Котин И.Ю. Община парсов в мультикультурном Бомбее (по произведениям Рохинтона Мистри). [Электронный ресурс]: – URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-317-0/978-5-88431-317-0_17.pdf (Дата обращения: 20.02.2025)
6. Мистри Р. Хрупкое равновесие. / пер. с англ. В Бернацкой - М.: 2019. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/rohinton-mistri/hrupкое-ravnovesie-49575504/chitat-onlayn/> (Дата обращения: 14.01. 2024)
7. Ондатже М. Английский пациент / пер. с англ. Н. Кротовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
8. Павлова О.В. Категории «история» и «память» в контексте постколониального дискурса (на примере творчества Дж. М. Кутзее и К. Исигуро): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М.: 2012. – 23 с.
9. Панова О.Ю. Пути современной прозы в Великобритании и США. [Электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovremennoy-prozy-v-velikobritanii-i-ssha> (Дата обращения: 20.02.2025)
10. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. 262 с.
11. Толкачев С.П. Постколониальная литература: «новый сценарий». [Электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postkolonialnaya-literatura-novyy-stsenariyfalse> (Дата обращения: 5.04. 2026)
12. Ajzenstat J. Once and Future Canadian Democracy: An Essay in Political Thought. – Montreal-Kingston, 2003.
13. Besner, N.K. Canadian Novel (Anglophone) // Encyclopedia of the Novel. 2 vols. Ed. P.Schellinger. – Chicago; London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1998. [Электронный ресурс]: – URL: https://books.google.co.uz/books?id=FPdRAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false (Дата обращения: 5.04.2026)

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

14. Haque E. Multiculturalism within a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada. – Toronto, 2012.
15. Hall S. Cultural identity and diaspora // Williams and Chrisman (eds.). Colonial Discourse and Post-Colonial Theory, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. 1993. P. 222-237.
16. Hutcheon L. The Postmodern Challenge to Boundaries // Hutcheon, L. The Canadian Postmodern: A Study of Contemporary English-Canadian Fiction. – Toronto: OUP, 1988. – P. 78-106. (Дата обращения: 5.04.2026). Т
17. Hutcheon L. "Running in the Family": The Postmodernist Challenge // Essays on Michael Ondaatje» Ed. S Solecki. – Montreal: Vehicule Press, 1985. – P. 301-331
18. Said E. W. Culture and imperialism. – N.Y.: Vintage, 1993. [Электронный ресурс]: - URL: [https:// monoskop.org/images/f/f9/Said_Edward_Culture_and_Imperialism.pdf](https://monoskop.org/images/f/f9/Said_Edward_Culture_and_Imperialism.pdf) (Дата обращения: 5.04.2026).
19. Takhar J. Rohinton Mistry, Writer from Elsewhere // Canadian Literature and Culture in the Post-Colonial Literature and Culture. [Электронный ресурс]: - URL: [http://postcolonialstudies. memory.edu/wp-admin/post.php?Post=205& action=edit](http://postcolonialstudies.memory.edu/wp-admin/post.php?Post=205&action=edit) (Дата обращения: 21.02.2025)

References

1. Ajzenstat, J. (2003). Once and future Canadian democracy: An essay in political thought. McGill-Queen's University Press.
2. Besner, N. K. (1998). Canadian novel (Anglophone). In P. Schellinger (Ed.), Encyclopedia of the novel (Vols. 1–2). Fitzroy Dearborn Publishers. https://books.google.co.uz/books?id=FPdRAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gb_s_atb#v=onepage&q&f=false
3. Bradbury, M. (1996, January 31). "And to end is to begin": "Round Table" "LG" – on the problems of contemporary English literature. Literary Newspaper, (5).
4. Golysheva, A. I. (2002). U istokov kanadskoi literatury [At the origins of Canadian literature]. In Forgotten and minor writers of the 18th–19th centuries as a phenomenon of European cultural life (Vol. 1, pp. 125–133). Pskov.
5. Hall, S. (1993). Cultural identity and diaspora. In P. Williams & L. Chrisman (Eds.), Colonial discourse and post-colonial theory (pp. 222–237). Harvester Wheatsheaf.
6. Haque, E. (2012). Multiculturalism within a bilingual framework: Language, race, and belonging in Canada. University of Toronto Press.
7. Hutcheon, L. (1985). Running in the family: The postmodernist challenge. In S. Solecki (Ed.), Essays on Michael Ondaatje (pp. 301–331). Vehicule Press.
8. Hutcheon, L. (1988). The postmodern challenge to boundaries. In L. Hutcheon, The Canadian postmodern: A study of contemporary English-Canadian fiction (pp. 78–106). Oxford University Press.
9. Korobova, S. N. (2009). Vyrazhenie natsional'noi kanadskoi identichnosti v khudozhestvennoi kul'ture [Expression of national Canadian identity in artistic culture]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-natsionalnoy-kanadskoy-identichnosti-v-hudozhestvennoy-kulture>

М. Низамова. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАНАДЫ

10. Kotin, I. Yu. (n.d.). Parsiskaia obshchina v mul'tikul'turnom Bombe (po proizvedeniiam Rohintona Mistry) [The Parsi community in multicultural Bombay (based on the works of Rohinton Mistry)]. https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-317-0/978-5-88431-317-0_17.pdf
11. Mistry, R. (2019). Khrupkoe ravnovesie [A fine balance] (I. Bernatskaya, Trans.). <https://www.litres.ru/book/rohinton-mistri/hrupkoe-ravnovesie-49575504/chitat-onlayn/> (Original work published 1995)
12. Ondaatje, M. (2011). Angliiskii patsient [The English patient] (N. Krotovskaya, Trans.). Azbuka, Azbuka-Atticus. (Original work published 1992)
13. Panova, O. Yu. (n.d.). Puti sovremennoi prozy v Velikobritanii i SShA [The paths of contemporary prose in Great Britain and the USA]. <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovremennoy-prozy-v-velikobritanii-i-ssha>
14. Pavlova, O. V. (2012). Kategorii "istoriia" i "pamiat'" v kontekste postkolonial'nogo diskursa (na materiale proizvedenii J. M. Coetzee i K. Ishiguro) [The categories of "history" and "memory" in the context of postcolonial discourse (based on the works of J. M. Coetzee and K. Ishiguro)] [Abstract of Cand. Sci. (Philology) dissertation]. Moscow.
15. Said, E. W. (1993). Culture and imperialism. Vintage. https://monoskop.org/images/f/f9/Said_Edward_Culture_and_Imperialism.pdf
16. Sidorova, O. G. (2005). Britanskii postkolonial'nyi roman poslednei treti XX veka v kontekste britanskoi literatury [The British postcolonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature]. Ural University Press.
17. Takhar, J. (n.d.). Rohinton Mistry, writer from elsewhere. Canadian Literature and Culture in the Post-Colonial Literature and Culture. <http://postcolonialstudies.memory.edu/wp-admin/post.php?Post=205&action=edit>
18. Tolkachev, S. P. (n.d.). Postkolonial'naia literatura: "Novyi stsennarii" [Postcolonial literature: "New scenario"]. <https://cyberleninka.ru/article/n/postkolonialnaya-literatura-novyy-stsenariyfalse>
19. Yezhov, P. S. (2003). Khudozhestvennoe svoeobrazie prozy M. Ondaatje: Evoliutsiia tvorchestva [Artistic originality of M. Ondaatje's prose: The evolution of creativity] [Cand. Sci. (Philology) dissertation, Nizhny Novgorod]. <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-svoeobrazie-prozy-m-ondaatzhe-evolyutsiya-tvorchestva>